

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАЩИТНИКА В ПРОЦЕССЕ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

С. В. Булатова,
магистрант ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»
S.Photinia@yandex.ru
Научный руководитель:
Е. В. Смахтин,
профессор кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук, профессор

Согласно статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в равной степени отвечает назначению уголовного судопроизводства, как и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [1]. Очевидно, что данная норма имеет императивный, общеобязательный характер для всех участников уголовного процесса, независимо от их процессуальной функции, определяя, таким образом, единое направление их деятельности.

Таким образом, участник процесса со стороны обвинения в равной степени заинтересован как в непосредственно уголовном преследовании виновного лица и привлечении его к уголовной ответственности, так и в справедливости объема его обвинения. Реализация данных целей возможна лишь при установлении всех юридически значимых обстоятельств события преступления и их объективной оценке.

В свою очередь, сторона защиты также нацелена на установление истинных обстоятельств по конкретному уголовному делу. Однако, в связи со спецификой защитнической деятельности, данная цель имеет некоторые ограничения. Во-первых, защита персонализирована, то есть речь идет об установлении обстоятельств участия конкретного лица в преступлении. Тогда как реализация стороной обвинения уголовного преследования представляет собой лишь часть ее деятельности в рамках уголовного судопроизводства.

Во-вторых, необходимо отметить разницу правового статуса участников сторон, которая закономерно нашла отражение в объеме не только их прав, но и обязанностей. «Обвинитель», как властный субъект, уполномоченный определять направление расследования, при этом также обязан устанавливать обстоятельства не только обвинительного, но и оправдательного характера, в том числе обстоятельства, смягчающие наказание виновного. У стороны защиты, при очевидном ограничении ее самостоятельности в рамках уголовного дела, вообще отсутствуют какие-либо обязанности по установлению обстоятельств события преступления. В этом ключе, также важен тот факт, что деятельность стороны обвинения имеет властный, государственный характер, что само по себе порождает ее ответственность за справедливое, законное разбирательство не только перед потерпевшим, но и обществом в целом. При этом сторона защиты вовлекается в уголовный процесс также по инициативе стороны обвинения, что логично влечет за собой возникновение у последней ответственности за свои властные решения и перед ней. Такая ответственность, на наш взгляд, реализуется именно в обвязывании «обвинителя» устанавливать в том числе и те обстоятельства, которые могут свидетельствовать в пользу стороны защиты.

При этом сама деятельность по установлению обстоятельств события преступления в процессуальном смысле реализуется в рамках института доказывания. И как нам видится, осуществление доказывания аналогично, с учетом названной специфики сторон, должно рассматриваться как обязанность и право соответственно стороны обвинения и защиты. Тем не менее, если осуществление доказывания стороной обвинения в уголовно-процессуальной науке не оспаривается, то по поводу осуществления данной деятельности защитником единая точка зрения отсутствует. Многие исследователи сходятся во мнении, что защитник, хотя формально и отнесен УПК РФ к числу участников, осуществляющих доказывание, по сути таковым не является [2].

Аргументируется данная позиция, в первую очередь тем, что сам уголовно-процессуальный закон не предусматривает для стороны защиты механизма доказывания. При этом указывается на то, что защитник не наделен полномочиями по признанию тех или иных сведений в качестве доказательств, в связи с чем самостоя-

тельно не может придать установленной им информации необходимую уголовно-процессуальную форму. К примеру, Ю.В. Деришев, замечая, что «собранные сведения для того, чтобы стать доказательствами должны быть помещены в один из источников», указывает на то, что защитник осуществляет только сбор сведений, которые в дальнейшем оформляются в качестве доказательства противоположной процессуальной стороной, и потому в формировании доказательственной базы не участвует [3].

Мы, в свою очередь, полагаем, что подобный подход имеет под собой устаревшую на настоящий момент концепцию отождествления формирования доказательства с его собиранием. И хотя сформулированная С.Ю. Шейфером в условиях отсутствия состязательности концепция в сущности видится нам верной, в связи с изменением самого типа процесса, она не может на настоящий момент рассматриваться в своем первоначальном виде. В частности, согласно С.А. Шейферу, «формирование доказательств – это процесс преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом» [4; 32-33]. Таким образом, доказательство отождествляется с его процессуальной формой, которая представляет собой систему нормативно-правовых предписаний, регулирующих основания, условия и порядок действий по собиранию доказательств.

Указывая на недостатки данного подхода, В.А. Лазарева отмечает, что «фактическое отождествление формы собирания доказательств с формой самого доказательства впоследствии привело к ошибочному представлению о доказательствах как о результатах деятельности следователя — единственного субъекта, формирующего доказательства, и искаженному пониманию допустимости доказательства» [5]. Речь идет о предложенной С.А. Шейфером трактовке допустимости доказательств, при которой допустимыми «являются лишь доказательства, полученные законными, т. е. предусмотренными законом, способами» [6; 60]. Данный тезис явно не соответствует статье 75 УПК РФ, согласно которой недопустимыми признаются доказательства, полученные с нарушением требований закона.

Кроме того, законодатель, определив доказательства, как сведения, имеющие значение для уголовного дела, очевидно указал на первостепенное значение их содержательного (информационного) компонента. Процессуальная форма доказательства при этом является способом закрепления и выражения в уголовном деле этих сведений. Она призвана обеспечить возможность восприятия информации всеми участниками, а также способствует правильности и полноте ее отображения и сохранения в уголовном деле. Однако, сама по себе форма сущность информации не изменяет, и потому имеет скорее процедурный характер. С другой стороны, придание какой-либо информации процессуальной формы не порождает само по себе ее доказательственное значение. В связи с этим именно возможность получения сведений является, по нашему мнению, ключевым критерием отнесения участника процесса к кругу субъектов доказывания.

В современном российском уголовном судопроизводстве формирование доказательства, на наш взгляд, является многоуровневой деятельностью и реализуется в совокупности этапов процесса доказывания – собирания, проверки и оценки.

На этапе собирания доказательств УПК РФ предусматривает возможность участия наиболее широкого круга субъектов, при этом также определены способы такого участия. В том числе, прямо предусмотрено право защитника на собирание доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Однако осуществление процесса собирания доказательств защитником практически не регламентировано. В качестве исключения можно назвать установление требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса. Однако, в этой связи необходимо отметить, что регламентация осуществляется на уровне подзаконного акта [7]. Тогда как собирание доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений и осуществление опроса лиц процессуально не урегулировано вовсе. Л.А. Воскобитова обоснованно замечает, что «закрепление совокупности прав адвоката, т. е. провозглашение их в тексте закона, форми-

рует, по существу, материально-правовую основу для участия адвоката в доказывании. Вместе с тем эти нормы остались необеспеченными процедурно в силу крайне непоследовательного, несистемного и фрагментарного регулирования собственно процедуры реализации этих продекларированных прав» [8].

На настоящий момент, при отсутствии какой-либо регламентации, защитнику, по нашему мнению, в ходе собирания доказательств целесообразно использовать аналогию закона, ориентируясь на нормы проведения схожих следственных действий. Соответствие деятельности защитника требованиям, предъявляемым к проведению следственных действий, во-первых, обеспечивает защиту прав и законных интересов лиц, привлекаемых защитником, а во-вторых, способствует предотвращению появления коллизий на этапе оценки доказательств.

Проверка доказательств, в соответствии с законом, осуществляется формально только властными субъектами стороны обвинения и судом. Однако, неучастие защитника на данном этапе доказывания не исключает его участия в предшествующем – собирании доказательств – и также не отрицает того, что информация, представляющая собой содержание доказательства, была собрана именно им. Проверка в таком случае осуществляется дознавателем (следователем) не как представителем стороны обвинения, а как властным субъектом, наделенным на досудебной стадии уголовного процесса контрольными функциями. На стадии судебного производства аналогичная деятельность проводится судом, который при этом также выступает как независимый, объективный участник процесса. Проверка доказательств на досудебной стадии уголовного процесса не является прерогативой стороны обвинения, поскольку проверяющий субъект в этот момент не реализует свою обвинительную функцию. Кроме того, доказательства, собранные дознавателем (следователем), как стороной обвинения, также подвергаются проверке независимым субъектом – судом, однако, только уже на судебной стадии. После проверки осуществляется и легализация представленной защитником информации, то есть введение ее в уголовное дело в качестве доказательства.

Мы склонны не согласиться с точкой зрения, в соответствии с которой собранную и предоставленную защитником доказательственную информацию следователь «вправе «сделать» доказательством, выбрав способ преобразования и придав процессуальную форму» [9]. В данном случае речь идет об обязанности проверить предоставленную информацию и параллельно объективно оценить ее соответствие критериям относимости, допустимости и достоверности. При этом сама информация в ходе проверки может только дублироваться в иной процессуальной форме.

Этап оценки доказательств законодательно закреплен через правила ее осуществления, без ограничения круга субъектов. Как нам кажется, оценка доказательств в уголовном процессе является многоуровневой и проводится различными участниками с разными целями. Первоначальная оценка осуществляется непосредственно субъектом, осуществляющим собирание доказательств, при обнаружении и исследовании информации. В дальнейшем оценка производится лицом, уполномоченным на проверку доказательства – процедурное признание собранной информации в качестве доказательства и «введение» ее в уголовное дело. В случае, если собирание доказательств осуществляется защитником, то повторная оценка производится дознавателем, следователем либо судом, осуществляющим их проверку.

Таким образом защитник, с присущими его правовому статусу особенностями, вправе непосредственно почувствовать в процессе доказывания на этапах собирания и оценки доказательств. При этом проверка доказательства не осуществляется им по объективным причинам, а именно в связи с самой сущностью данного этапа, как контрольного, призванного обеспечить объективность при признании собранной информации в уголовном деле. Тот факт, что на данный момент эти функции параллельно осуществляются субъектами, формально отнесенными к стороне обвинения, на наш взгляд, отражает специфику существующей модели российского судостроительства.

Мы полагаем, что этап собирания в процессе доказывания является ключевым, поскольку именно он обеспечивает внутреннее содержание доказательства – информацию, имеющую значение для уголовного дела. Хотя уголовно-процессуальным законом закреплен ряд правил-ограничений собирания доказательств во многом эта деятельность не урегулирована. При этом пробелы законодательства в проведении следственных дей-

ствий эффективно заполняются рекомендациями, вырабатываемыми уже в рамках криминалистики. В то же время теоретическая разработка собирания доказательств способами, предусмотренными для невластных участников процесса, практически не осуществляется. В связи с этим защитник, как уже указывалось выше, не имея ни четкой процессуальной регламентации участия в доказывании, ни собственного специального научного базиса вынужден прибегать к аналогии и заимствованию инструментария у стороны обвинения. К примеру, в ходе взятия объяснения защитник может успешно применять тактические приемы допроса. Само по себе наличие процессуальных аналогов в деятельности сторон закономерно рождает вопрос о возможности применения криминалистической науки в целом и для нужд участника процесса со стороны защиты.

В общепринятом смысле криминалистика представляется наукой «на переднем рубеже борьбы с преступностью», призванной обеспечить практическую деятельность по раскрытию и расследованию преступлений необходимым инструментарием и теоретической базой. Осуществление расследования при этом рассматривается, как способ достижения назначения уголовного судопроизводства. Данный тезис, по нашему мнению, верен и не требует дополнительного обоснования, как неоднократно осмысленный и доказанный. Также, как и мысль о том, что криминалистика тесно связана с уголовным процессом, поскольку, как верно отмечает Е.В. Смахтин: «реализация криминалистических правоотношений невозможна вне уголовно-процессуальной формы» [10; 66]. В связи с этим, можно сделать вывод, что субъектом криминалистики всегда является участник уголовного процесса, процессуальный статус которого предполагает возможность выполнения активных действий, способствующих реализации назначения уголовного судопроизводства.

В процессуальном смысле реальное влияние на результат расследования (судебного следствия) оказывается в ходе доказывания. И потому круг субъектов криминалистики должен, на наш взгляд, формироваться, исходя из процессуальных возможностей участников при осуществлении доказывания. Данное предположение, в частности, подтверждается тем, что большая часть криминалистического знания, очевидно, направлена на «обслуживание» именно этого процессуального института. При этом криминалистикой преимущественно разрабатывается алгоритм эффективного обнаружения, фиксации, изъятия и первоначального исследования доказательственной информации, что структурно соответствует главному элементу в формировании доказательства – его собиранию.

В частности, С.А. Шейфер, формулируя концепцию формирования доказательств, во многом опирался на криминалистические представления о познании следов преступления. В конечном счете, С.А. Шейфер пришел к выводу, что формирование доказательств происходит посредством познавательной деятельности лица, осуществляющего собирание информации о преступлении [11]. Мы склонны согласиться с данной точкой зрения с оговоркой о том, что круг участников собирания доказательств в настоящее время расширился за счет перехода типа процесс в состязательный. Исходя из этого, должен закономерно претерпеть изменения и субъектный состав криминалистических правоотношений.

Однако, согласно устоявшейся позиции, непосредственно криминалистика (а не ее достижения) применяется в своей деятельности исключительно органами предварительного расследования и судом. Такая точка зрения основывается на признании двуединого объекта исследования науки в виде двух противоположных деятельностей: криминальной и по расследованию преступлений. Но на наш взгляд, при общей правильности понимания предмета, несколько сужено его толкование, и именно в части содержания деятельности, противоположной преступной. Определение ее через расследование уголовного дела сводится к деятельности стороны обвинения. Тогда как, фактически, в рамках конкретного уголовного дела установление всех обстоятельств произошедшего является результатом совокупных усилий большего количества участников. И в этом ключе, криминальной должна противопоставляться в целом деятельность по достижению назначения уголовного судопроизводства. Данная формулировка позволяет охватить всех участников уголовного процесса, деятельность которых влияет на его конечный результат – справедливое итоговое решение по делу. При таком подходе криминалистика нацелена на обеспечение процесса доказывания в целом и, соответственно, разработку научной базы для практического применения всеми его участниками, в том числе и защитником.

Однако, в настоящее время, деятельность защитника, по мнению многих исследователей, в предмет криминалистики не входит и, более того, сама ее сущность противоречит целям науки. В обоснование своей позиции Т.В. Аверьянова, указывая, что «цели и задачи криминалистики, как известно, заключаются в содействие борьбе с преступностью. Целями же и задачами адвоката является не борьба с преступностью...а получение доказательственной информации, оправдывающей подзащитного или смягчающей его ответственность, обеспечивающей права и интересы последнего» [12]. При этом указывается на то, что профессиональные интересы следователя «противоположны, как правило, интересам защитника» [13].

Однако, мы склонны не согласиться с подобным обоснованием, поскольку на наш взгляд, уголовное судопроизводство по конкретному уголовному делу – это единый процесс, который представляет собой совокупность усилий всех его участников, действующих с одной целью – установление объективных, истинных обстоятельств по делу. В данном ключе, противоестественно рассуждать о «противоположности» сторон, понимая под этим активную деятельность защитника по противодействию процессу расследования.

Безусловно, состязательность уголовного процесса предполагает некоторое противоборство, однако, по справедливому замечанию О.Я. Баева, речь идёт о конфликтогенности, обуславливающей эффективность деятельности сторон [14]. Стороны стремятся не столько разоблачить друг друга, сколько своими обоснованными сомнениями исключить из массива доказательственной информации ту, что является недопустимой. Такое проявление диалектического принципа единства и борьбы противоположностей в конечном итоге приводит к повышению качества расследования и его результата – установления объективных обстоятельств совершения преступления. Таким образом, защитник в своей деятельности не противодействует расследованию, а дополняет его и контролирует законность и достаточность его осуществления.

В связи с изложенным, мы считаем, что защитник, как один из участников доказывания по уголовному делу, наряду с участниками стороны обвинения обеспечивает единую цель уголовного судопроизводства, выраженную УПК РФ в его назначении. Для реализации этой цели защитник, в соответствии с законом, наделен правом на участие в доказывании, которое он тем не менее не реализует в настоящее время в связи с объективными причинами. Во-первых, речь идет об отсутствии четкой процессуальной регламентации этой деятельности, которая, фактически, выражена только в перечислении способов собирания доказательств без какого-либо пояснения их содержания. Во-вторых, реализация защитником своего права на доказывание невозможно в условиях отсутствия какой-либо практики, которая в свою очередь не может возникнуть и развиваться без теоретического подкрепления. В этой связи криминалистика, как наука, призванная сопровождать и обеспечивать практическую реализацию уголовно-процессуальных норм, способна на основе уже имеющихся знаний выработать необходимый массив специально-защитнических тактических рекомендаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 №174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Тарасов И.С. Адвокат как участник процесса доказывания в уголовном судопроизводстве / И.С. Тарасов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №3-2. С. 229-231.
3. Деришев Ю.В. Проблемы соотношения досудебного и судебного производства в уголовном процессе России /Ю.В. Деришев, М.Э. Романовский, О.А. Волторнист. – Москва: Юрлитинформ, 2009. 196 с.
4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: мо-ногр. М., 2014. С. 32-33.
5. Лазарева В.А. С. А. Шейфер. концепция формирования доказательств // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. №4. С.45-50
6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: мо-ногр. М., 2014. С. 60.
7. Приказ Минюста России от 14.12.2016 N 288 (с изм. от 24.05.2017) "Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса" (Зарегистрировано в Минюсте России 22.12.2016 N 44887) // СПС КонсультантПлюс.

8. Воскобитова, Л. А. Состязательность: две концепции участия адвоката в доказывании. Статья 1: поиск алгоритма // Уголовное судопроизводство. 2012. № 2. С. 22 - 24
9. Лютынский, А. М. К вопросу о полномочиях защитника по собиранию доказательств по уголовному делу // Обвинение и защита по уголовным делам : исторический опыт и современность. -СПб. : Юридический центр, 2015. С. 312 – 315.
10. Смахтин Е.В. Соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. С. 66.
11. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юр. лит., 1981.
12. Аверьянова Т.В. Еще раз о криминалистической тактике и тактике защиты // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. С. 3-7.
13. Баев О.Я., Баев М.О. Защита от обвинения в уголовном процессе. Воронеж, 1995. 228 с.
14. Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. М., 2003. 432 с.

УЧАСТИЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В РАЗВИТИИ ТРАНЗИТНО-ТРАНСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РФ

Е. В. Бутова,
студентка ИГиП ТюмГУ
специальность «Таможенное дело»,
katybutova@mail.ru
Научный руководитель:
Л. И. Попова,
доцент кафедры
таможенного дела ИГиП ТюмГУ,
кандидат экономических наук, доцент

С развитием торгово-экономического сотрудничества между государствами, приоритетным направлением является поиск кратчайших и максимально выгодных транспортных путей доставки товаров. В статье рассмотрены основные характеристики транснациональных проектов по созданию международных транспортных коридоров и возможности участия Тюменской области в их развитии. По итогам проведенного исследования, были выявлены перспективы использования транзитно-транспортного потенциала Тюменской области.

Доказано, что участие в транснациональных проектах дает возможность улучшить экономические показатели регионов. Для того, чтобы получить такие выгоды от участия, необходимо обладать транспортно-транзитным потенциалом.

Помимо запасов углеводородного сырья, Тюменская область обладает обширной территорией, которая позволяет осуществлять транзитные перевозки между странами, как по существующим коридорам, так и по проектным в перспективе.

Актуальность исследования обусловлена стремлением государств ускорить экономическое развитие регионов, на основе имеющегося транзитно-транспортного потенциала.

Для развития транспортно-логистической системы УрФО и Тюменской области разработан проект «Северный транспортный коридор Восток-Запад». Целью проекта является создание нового интермодального транспортного направления, соединяющего Северную Америку с Центральной Азией. Особо это актуально в развитии Шелкового пути, соединяющего транспортно-логистические пути Китая, России, Белоруссии и Люксембурга. Стремительный рост объема продаж и движение товаропотоков между Азиатско-Тихоокеанским и Европейским союзом, включая США и ключевых субъектов, активно участвовать в реализации Шелкового пути Китая, России и Европы [4]. Одно из самых перспективных направлений сотрудничества с КНР — транспортная логистика. Китай рассматривает Урал как важнейшую транзитную территорию для перемещения своей продукции в Европу, а Екатеринбург и Челябинск — как пункты распределения китайских товаров по Уральскому реги-